

УДК 327

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Никифоров А. Р.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: nandrey@bk.ru

Черноморский регион многие века является ареной масштабных политических событий. В своём современном виде он начинает складываться с 90-х гг. прошлого века, а уже в начале нынешнего предпринимаются попытки его политологического концептуального осмысления. В этом контексте следует отметить концепцию «Большого Черноморского региона» Р. Асмуса, согласно которой в его состав, помимо стран, непосредственно прилегающих к черноморскому побережью, включаются Азербайджан, Армения и Молдавия. Концепция Асмуса легла в основу документов, определяющих стратегию в регионе Европейского союза. Тем не менее, следует отметить отсутствие чёткости в определении пространственных параметров Черноморского региона. В этом плане, в виду отсутствия универсального идентификатора, предлагается довольствоваться на данный момент общим принципом, который звучит следующим образом: Причерноморский регион есть **совокупность территорий, тяготеющих к Азово-Черноморскому бассейну**. Что касается черноморского геополитического времени, регион, начиная с рубежа 80–90-х гг. XX века, вступает в деструктивную фазу третьего геополитического цикла своего развития. Продолжающийся процесс фрагментации береговой линии Чёрного и Азовского морей вновь возникающими независимыми государствами свидетельствует о восходящей линии деструкции региона. Тем не менее, Черноморский регион в последние годы вновь оказался в центре внимания мировых центров силы. И эта тенденция носит устойчивый и долговременный характер.

Ключевые слова: Черноморский регион, Большой Черноморский регион, территориальные параметры региона, геополитические циклы и фазы развития региона.

Черноморский регион – понятие, сравнительно недавно введённое в политологический оборот. Это утверждение может показаться парадоксальным, ведь берега Чёрного моря не раз становились ареной масштабных политических событий. Тем не менее, ещё совсем недавно о берегах Чёрного и Азовского морей как о ядре целостного политического региона говорили не иначе как в прошедшем времени. Своего рода резюме такому положению вещей дал ещё в середине прошлого века классик геополитики К. Хаусхофер: «Каким бы важным для культурного бытия Европы не было обильно смешанное с солдатской кровью военно-стратегическое пространство Чёрного и Каспийского морей, для будущего нового передела геополитического пространства оно будет второстепенным» [1, с. 15].

В текстах, анализирующих актуальную политику, до недавнего времени чаще упоминался «Черноморско-Каспийский регион» (ЧКР), эпицентром которого принято было обозначать как раз каспийский компонент – один из источников углеводородного сырья для мировых рынков. Черноморский придаток данного региона рассматривался как один из коридоров доставки каспийского сырья на эти рынки. Известный немецкий политический аналитик и журналист А. Рар следующим образом обозначил состояние и перспективы ЧКР: «В Черноморско-Каспийском пространстве соперничают четверо: США, Россия, Китай и Европейский союз». ЧКР, по его мнению, «...опасен потенциальными конфликтами, грозящими в любой момент разрастись в серьезные локальные войны» [2, с. 15]. Повторю, что главным призом предстоящей борьбы виделось пространство, прилегающее к Каспию, Причерноморье шло в комплекте с ним, таким «прицепом».

Правда, в начале 90-х гг. прошлого века мода на интеграционные проекты не обошла стороной и Причерноморье. Президент Турции Тургут Озал ещё в 1990 г. выступил с идеей создания «Черноморской зоны процветания и сотрудничества», предполагавшей участие в этом проекте всех государств, имевших на тот момент выход к Чёрному морю: СССР, Турции, Румынии и Болгарии. Через два года усилия Турецкой Республики увенчались подписанием 25 июня 1992 г. Стамбульской декларации – документа, провозгласившего создание организации «Черноморское экономическое сотрудничество» (ЧЭС). Соучредителями ЧЭС стали Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Российская Федерация, Турецкая Республика и Украина (в дальнейшем к ним добавилась Сербия) [3]. На саммите организации, проходившем в Ялте, 5 июня 1999 г. был принят её Устав и учреждены надгосударственные структуры, после чего она приобрела свой нынешний вид и своё современное название – Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Правда, за почти два десятилетия ОЧЭС не реализовала ни одного масштабного проекта и практически не продвинулась по пути экономической интеграции Черноморского региона. В начале нынешнего столетия настало время осмысления Причерноморья как региона политического.

Ещё в октябре 2003 г. старший научный сотрудник, а затем – глава брюссельского отделения Фонда Маршалла «Германия–США» Рональд Асмус опубликовал статью, в которой предлагалось приступить к разработке «более последовательной стратегии по отношению к Черноморскому региону и государствам, расположенных на Восток от Каспия» [4]. В дальнейших работах Р. Асмуса была сформулирована концепция «Большого Черноморского региона» (БЧР), в состав которого им была включена территория девяти государств: Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Молдавии, России, Румынии, Турции и Украины. Концепция, по мнению её автора, должна «заложить новую политическую и стратегическую основу для стратегии Запада, которая объединит воедино разные дискуссии относительно Турции, Украины, Южного Кавказа, и в которой стратегическое целое было бы больше, чем сумма составляющих частей» [5].

Собственно, надо думать, именно наличие такой синергии и отличает регион от случайной или формальной суммы территорий.

С другой стороны, ряд экспертов, рассуждающих о черноморской социально-политической целостности, продолжают оценивать скептически как наличие, так и перспективы черноморской региональной идентичности. Скажем, болгарский эксперт П. Димитров констатирует: «Не существует такой вещи, как черноморская политическая и культурная идентификация. Люди, живущие на побережье Чёрного моря и вокруг него, идентифицируют себя как жители Балкан, кавказцы, турки и даже как бывшие советские люди, но никогда как люди Черноморской зоны» [6]. На основании этой констатации делается следующее заключение «Вот почему любые попытки создания региональной организации, основанные на географическом принципе, а priori обречены на провал» [6]. Практически к такому же выводу приходит грузинский исследователь Т. Кентчадзе [7, с. 113] и украинский автор С. Дацюк. Последний утверждает, что «Регион Чёрного моря не является направлением для какой-то отдельной геополитики. Точнее, Чёрное море создает направление специфической политики, например, политики в сфере экологии. Но про черноморский регион мы вынуждены говорить, поскольку столкновение интересов ЕС, России и США происходит именно там, и уже давно не в виде геополитики – в виде инфраструктурной политики» [8].

Для своеобразной «линии Асмуса» в политическом анализе характерен также тезис, согласно которому данный регион никогда ранее не существовал и впервые формируется только в последние два-три десятилетия. Так британская исследовательница Лили ди Пуппо утверждает, что большинство из стран, имеющих выход к Чёрному морю, получили свою независимость в начале XX века, а стратегическое значение он стал приобретать только после окончания «холодной войны», когда за влияние в Причерноморье развернулось соперничество мощных сил, черноморская акватория стала использоваться для транзита энергоносителей Каспия, оружия и наркотиков, а вблизи черноморских берегов угнездилась целая серия замороженных конфликтов. При этом Чёрному морю отказывается в праве считаться историческим регионом, на том основании, что оно являлось пограничьем трёх империй: Османской, Российской и Персидской [9].

Британская экспертиза всего, что касается морского ландшафта, несомненно, заслуживает внимания. Однако, несмотря на это, недоумение по поводу приведённых выше тезисов остаётся. Насколько уместно начинать историю России и Украины с 1918 г. (с момента провозглашения РСФСР и УНР), Турции – с 1923 г. (с момента провозглашения Турецкой республики)? Но даже признание правомочности такой трактовки (далеко не бесспорной) не даёт оснований для того, чтобы отбросить всю предшествующую многовековую историю региона. А самое главное – такой подход выглядит совершенно не конструктивно, поскольку существенно искажает представление о динамике и содержании политических процессов в Причерноморье.

Ещё более загадочно звучит тезис Л. Ди Пуппо, согласно которому Причерноморью отказывается в праве считаться историческим регионом на основании того факта, что оно являлось персидско-османско-российским

имперским пограничьем (этот же тезис содержится в статье Р. Асмуса и Б. Джексона «Чёрное море и пределы свободы» [10]).

Очевидно, что отбрасывание насыщенного разнообразной динамикой времени, предшествующего включению Причерноморского региона в орбиту интересов современного Запада, призвано как бы обнулить показатели на циферблате черноморских часов и перезапустить их. По всей видимости, такое отсечение корней упрощает задачу включения региона в новые западные модели и стратегии.

Скажем, по Р. Асмусу, БЧР рассматривается как отдельная геополитическая единица, являющаяся составной частью Европы и евроатлантического сообщества, требующая по отношению к себе более динамичной и целенаправленной политики. [17]. Р. Асмус отмечает важность евроатлантического освоения БЧР для глобальных задач, стоящих перед Западом по дальнейшему распространению демократии, в частности – в ключевом для глобальной политики Брюсселя и Вашингтона регионе «Большого Ближнего Востока». В его совместной с Б. Джексоном публикации [10] отмечается, что ситуация, с которой Запад сталкивается в БЧР (этническими конфликтами, постконфликтными обществами и экономической разрухой), аналогична той, с которой он столкнётся в пространстве «Большого Ближнего Востока». Как отмечают авторы, в значительной степени повышение интереса США (и НАТО) к региону связано именно с эскалацией их ближневосточной военной и политической активности: «В то время, как НАТО расширяет свою роль в Афганистане и делает приготовления к долгосрочной операции, а также рассматривает возможность взятия на себя дополнительных обязательств в Ираке, Большое Причерноморье начинает проступать в ином свете: вместо периферийного положения на европейском континенте, оно начинает выглядеть как ключевой компонент стратегического тыла Запада. В простых выражениях, зона соприкосновения между Евро-Атлантическим сообществом и Большим Ближним Востоком проходит через Чёрное море» [10].

Не требуется особых усилий для того, чтобы обнаружить явный антироссийский тренд в концептуальных построениях Р. Асмуса. Политику Москвы в регионе он характеризует следующим образом: «Вместо совместного регионального подхода к сотрудничеству в сфере безопасности, российские военные базы только способствовали распространению оружия, поддержанию климата угроз и защиты рэкетиров» [10].

Отмечается важность Черноморского региона для Европы и в Резолюции Европарламента от 20 января 2011 года, посвященной стратегии ЕС в Чёрном море. В ней дается следующая характеристика Причерноморья: «Регион Чёрного моря является стратегическим мостом, соединяющим Европу с бассейном Каспийского моря, Центральной Азией и Ближним Востоком, а далее, с Юго-Восточной Азией и Китаем, и характерен своими тесными связями и огромным потенциалом, но также и многообразием и соперничеством» [11].

Сказанного представляется вполне достаточно для того, чтобы обозначить неоднозначность, важность и актуальность установления пространственных и временных координат Причерноморья.

Начнём с поисков территориальных параметров региона. Будем считать, что они определяются совокупностью принадлежащих к региону государств, территории которых и формируют его пространство. Конечно, точность такого измерения ограничена, поскольку присутствующие в Причерноморье государства зачастую включают территории, далеко отстоящие от черноморских берегов и крайне слабо с ними интегрированные. Скажем, когда ОЧЭС характеризуется как организация, распространяющая свою деятельность на территорию в 20 млн. квадратных километров, с населением около 350 миллионов человек и потенциалом внешнеторговой деятельности на сумму 300 млрд. долл. в год, имеет место просто арифметическое суммирование параметров всех государств-членов этой организации. Очевидно, что отнесение к Причерноморью Сибири, Дальнего Востока и т. п. в данном случае происходит исключительно по формальному признаку. Но для более точного измерения нужен специальный инструментарий, который ещё предстоит разработать.

Далее. Непосредственный выход к берегам Черного и Азовского морей исчерпывающим критерием принадлежности к Причерноморскому региону быть не может. Это не позволило бы включить в его состав целый ряд государств, бесспорно к этому региону относящихся, но прямого выхода к морским берегам не имеющих. Как в современных региональных межгосударственных объединениях, так и разного рода доктринально-концептуальных текстах к побережным государствам региона традиционно (и вполне обоснованно) добавляют Молдавию, а также Азербайджан и Армению. Мало того, к этому перечню в документах Евросоюза традиционно добавляется Греция. Впервые это произошло в 2008 г. при формировании т. н. «еврорегиона «Чёрное море»» [12, с. 2], а затем перечень включённых в него государств был полностью повторён в Резолюции Европарламента по черноморской стратегии: Болгария, Греция и Румыния – как члены ЕС, Турция – как страна-кандидат, Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина – как страны-партнёры, и Российская Федерация – как стратегический партнёр ЕС [9].

Что же касается Албании и Сербии, их присутствие в регионе связано с членством в ОЧЭС. Членами организации могли стать также Македония и Республика Кипр. Но вступление в ОЧЭС первой ветировала Греция, а второй – Турция.

Таблица 1.

Государства Черноморского региона в региональных объединениях и концептуально-доктринальных построениях

ОЧЭС	Еврорегион «Чёрное море»	Государства «Черноморской синергии»	Государства БЧР (по Р. Асмусу)
Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан
Албания	-	-	-
Армения	Армения	Армения	Армения
Болгария	Болгария	Болгария	Болгария

Греция	Греция	Греция	-
Грузия	Грузия	Грузия	Грузия
Молдавия	Молдавия	Молдавия	Молдавия
Россия	Россия	Россия	Россия
Румыния	Румыния	Румыния	Румыния
Сербия	-	-	-
Турция	Турция	Турция	Турция
Украина	Украина	Украина	Украина

Причина очевидного расхождения «европейской» и «черноморской» номенклатур государств региона видится в отсутствии чётких критериев, на основании которых государства относятся к Причерноморью или оказываются за его пределами.

Мало того, надежного критерия принадлежности того или иного государства к Причерноморскому региону, по всей видимости, быть и не может, поскольку речь идет не столько о стабильном статусе, сколько о тенденции. Потому причерноморскими уместнее называть территории, стремящиеся к Черному морю. Очертания этих территорий подвижны и меняются в соответствии со степенью притягательности черноморской акватории в тот или иной исторический период. Исходя из этого, можно предложить обозначение пространственных очертаний Причерноморского региона как **совокупности территорий, тяготеющих к Азово-Черноморскому бассейну**. Это – не более чем ключ для поиска неформальных критериев и инструментария, необходимых для определения пространственных параметров региона.

Немаловажно также определение геополитического времени на часах Причерноморского региона. Дело в том, что анализ исторического развития территорий, тяготеющих к Черному морю, позволяет установить цикличность в развитии черноморской истории. В ней чётко проступают три геополитических цикла, каждый из которых включает в себя по четыре последовательно сменяющих друг друга фазы, что было подробно рассмотрено в моей публикации 2008 года [13, с. 61–63].

Согласно предложенной модели, в последнее десятилетие прошлого века Крым вступил в завершающую (четвёртую) фазу третьего геополитического цикла, характеризующуюся, как и аналогичные фазы предыдущих циклов (III–V вв. н. э. и вторая половина XI – середина XIII вв.) деструктивными политическими тенденциями. В ходе четвертой фазы регион как бы «разбирается» на элементы. Сила притяжения Чёрного моря в этот момент падает до минимума. Не удивительно, что в такие периоды истории Черноморья особенно затруднительно определить границы данного региона: они становятся максимально размытыми. Именно в такие моменты правомочна постановка вопроса: является ли Причерноморский регион реальной целостностью, или это просто конгломерат территорий, лишенных политического (культурного, экономического) единства.

Применение циклической модели геополитического развития Причерноморья даёт лишь самое общее представление о том, каковы современные тенденции

развития региона и позволяет лишь приблизительно дать ответ: где, на каком отрезке очередного витка, мы сейчас находимся. Ведь при общей продолжительности черноморского геополитического цикла порядка 700–800 лет, предыдущие фазы деструкции региона длились около 2–3 веков. Реальная же политика оперирует годами, в лучшем случае – несколькими десятилетиями. Попробуем приблизить масштаб измерения к потребностям реальной политики.

Для этого попытаемся определить, какую стадию (восходящую или нисходящую) деструктивной фазы геополитического цикла мы переживаем в данный момент. Такое измерение потребует определиться с единицей измерения политической деструкции Причерноморья. Думается, наиболее подходящей единицей будет число независимых государств, имеющих прямой выход к Азово-Черноморскому побережью. Данный индикатор наиболее наглядно демонстрирует политическую фрагментацию региона. Следует оговориться, что под «независимым государством» мы понимаем государство, независимость которого де-юре признана хотя бы одним из государств региона. Итак, если в 80-е гг. XX века таких государств было четыре, то в 90-е их стало шесть, а в первое десятилетие XXI века – семь.

Таблица 2.

Динамика изменения числа независимых государств, имеющих прямой выход к АЧП

№/№	Временной период	Количество независимых государств, имеющих прямой выход к АЧП
1.	80-е гг. XX в.	4
2.	90-е гг. XX в.	6
3.	1-е десятилетие XXI в.	7

Как видим, в течение последних десятилетий деструкция Причерноморского региона нарастает. И очевидно, что эта тенденция еще не исчерпана. Достаточно вспомнить, что в 2014 г. (т. е. во 2-м десятилетии XXI века) о своей суверенности уже заявила Донецкая Народная Республика (ДНР), де-факто контролирующая на сегодняшний день фрагмент побережья Азовского моря. Мало того, дальнейшая политическая фрагментация Украины сегодня выглядит куда более вероятной, чем, скажем, три-четыре года назад. Таким образом, мы находимся на восходящей стадии деструктивной фазы третьего причерноморского геополитического цикла. Тот факт, что практически все государства региона испытывают дефицит безопасности, а многие – еще и проблемы с сохранением территориальной целостности, можно обозначить как веление черноморского геополитического времени.

Но это вовсе не приговор региону. Учитывая неблагоприятные для интеграции и консолидации тенденции, государствам Причерноморья следовало бы внести соответствующие изменения в стратегию региональной политики, сделав ставку не столько на объединительные усилия, сколько на выработку режима мирного сосуществования в Причерноморье.

В целом, можно согласиться с выводом, к которому приходит в своей недавней публикации руководитель сектора Ближнего Востока Российского института стратегических исследований, кандидат филологических наук А. В. Глазова: «По мере возрастания геополитической, экономической и энергетической роли Черноморского региона, его значимость для России будет только усиливаться. Это означает, что борьба за стратегическое влияние в данном регионе должна стать одним из приоритетных направлений российской внешней политики. Кроме того, в условиях усиливающейся конкуренции за влияние с державами, имеющими четко обозначенную стратегическую цель и приоритеты, актуальной становится задача разработки цельной, просчитанной на длительную перспективу стратегии РФ в отношении Черноморского региона» [14].

Список литературы

1. Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей // Элементы. Евразийское обозрение. – 1992. – № 1. – С. 14–18.
2. Рар А. Интересы и стратегия ЕС в вопросах транспортировки каспийской нефти // Украина и проблемы безопасности транспортных коридоров в Черноморско-Каспийском регионе. Материалы международной научно-практической конференции (Севастополь, 8–9 июня 1999 г.). – К., 1999. – С. 14–18.
3. Декларация о Черноморском Экономическом Сотрудничестве. Подписана в Стамбуле, 25 июня 1992 г. // Парламентская Ассамблея Черноморского Экономического Сотрудничества. Избранные документы. URL: <http://www.pabsec.org/pabsec/aksisnet/file/rus/09%20BSEC%20declr%201992.pdf>
4. Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. – September – October 2003. – P. 20–31. – URL: http://www.kas.de/db_files/dokumente/7_dokument_dok_pdf_2804_2.pdf
5. Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region. – Washington: The German Marshall Fund of the U.S., 2006 – 262 p. URL: <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>
6. Dimitrov P. Wider Black Sea and the New Frontiers of European Geopolitical Space. URL: http://www.aiprg.net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Plamen_Dimitrov_paper.pdf.
7. Кентчадзе Т. ГУАМ: взгляд из Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 3–4 (57–58). – С. 110–119.
8. Дацюк С. Зіткнення інтересів ЄС, Росії та США в Чорному морі в інфраструктурній політиці. URL: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=992#992.
9. Ди Пуппо Л. Эликсир молодости для черноморского сотрудничества. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8233.html>.
10. Асмус Р. Джексон Б. Чёрное море и пределы свободы. Православное информационное агентство со ссылкой на Policy Review. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>.
11. Резолюция Европарламента от 20 января 2011 года по стратегии ЕС в Черном море. URL: <http://www.blackseanews.net/read/10041>.
12. Крим, Україна, Чорноморський регіон і розвиток (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Безпека і оборона. – 2011. – № 4–5 (122–123). – С. 2–21.
13. Никифоров А. Р. Ритмы Большого Черноморского Пространства: сверим часы // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины. Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 60–67.
14. Глазова А. В. Зона особых интересов России // Национальная оборона. – 2016. – № 9. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml>

Nikiforov A. R. Black Sea Region: Space and Time // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 78–87

The Black Sea region for many centuries has been a stage for large-scale political events. In its present form, it started taking shape in the 90s of the previous century, and in the beginning of this century there are attempts

of its conceptual understanding in political science. In this context, we should abolish the concept of the 'Greater Black Sea region' of R. Asmus. According to it, in addition to the countries directly adjacent to the Black Sea coast, the region also includes Azerbaijan, Armenia and Moldova. Asmus concept formed the basis of documents defining the strategy of the European Union in the region. However, the lack of clarity in the definition of the spatial parameters of the Black Sea region should be noted. In this respect, at the moment, in the absence of a universal definition, it is proposed for the moment to settle for the general principle, which reads as follows: The Black Sea region is a set of areas gravitating to the Azov-Black Sea basin. Regarding the Black Sea geopolitical time, the region, since the turn of 1980-1990s, is experiencing the destructive phase of the third geopolitical cycle of its development. The ongoing process of fragmentation of the coastline of the Black and Azov Seas by newly emerging independent states indicates ascending of the destructive tendencies in development of the region.

However, the Black Sea region in recent years, was once again the focus of the world's power centres. And this trend has a stable and long-term nature.

Keywords: Black Sea Region, Greater Black Sea Region, region's territorial parameters, geopolitical cycles and phases of development of the region.

References:

1. Haushofer K. Geopoliticheskaja dinamika meridianov i paralelej [Meridians and Parallels Dynamics]. Elementy. Yevraziyskoye obozreniye, 1992, no. 1, P.14–18.
2. Rar A. Interesy i strategija ES v voprosah transportirovki kaspijskoj nefti [Interests and the EU's Strategy in Matters of Transporting Caspian Oil]. Ukraine and transport corridors security issues in the Black Sea-Caspian region. Proceedings of the international scientific-practical conference (Sevastopol, 8-9 June 1999), Kiev, 1999, P. 14–18.
3. Deklaratsiya o Chernomorskom Ekonomicheskom Sotrudnichestve [Declaration on Black Sea Economic Cooperation. Signed in Istanbul, June 25, 1992]. The Parliamentary Assembly of the Black Sea Economic Cooperation. URL: <http://www.pabsec.org/pabsec/aksisnet/file/rus/09%20BSEC%20declr%201992.pdf>.
4. Asmus R. Rebuilding the Atlantic Alliance. Foreign Affairs. September – October 2003, P. 20–31. URL: http://www.kas.de/db_files/dokumente/7_dokument_dok_pdf_2804_2.pdf.
5. Next steps in forging a Euroatlantic strategy for the wider Black Sea region. Washington, The German Marshall Fund of the U.S., 2006, 262 p. URL: <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf>.
6. Dimitrov P. Wider Black Sea and the New Frontiers of European Geopolitical Space. URL: http://www.aiprg.net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Plamen_Dimitrov_paper.pdf.
7. Kentchadze T. GUAM: vzgljad iz Gruzii [GUAM: A View from Georgia]. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz, 2008, no. 3–4 (57–58), P. 110–119.
8. Dacjuk S. Zitknennja interesiv ES, Rosii ta SShA v Chornomu mori v infrastrukturnij politici [The Clash Interests EU, Russia and the United States in the Black Sea in Infrastructure Policy]. URL: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=992#992.
9. Di Puppo L. Jeliksir mladosti dlja chernomorskogo sotrudnichestva [Elixir of Youth to the Black Sea Cooperation]. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8233.html>.
10. Asmus R. Dzhekson B. Chjornoe more i predely svobody [Black Sea and the Limits of Freedom]. Orthodox news agency with reference to the Policy Review. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145>.
11. Rezoljucija Evroparlamenta ot 20 janvarja 2011 goda po strategii ES v Chernom more [Resolution of the European Parliament on January 20, 2011 on the EU strategy in the Black Sea]. URL: <http://www.blackseanews.net/read/10041>.
12. Krim, Ukraina, Chornomors'kij region i rozvitok (Analitichna dopovid' Centru Razumkova) [Crimea, Ukraine, the Black Sea State and Development (A Report of Analytical Razumkov Center)]. Bezpeka i oborona [Safety and Defense], 2011, no. 4–5 (122–123). URL: http://www.razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD122-123_ukr.pdf.
13. Nikiforov A. R. Ritmy Bol'shogo Chernomorskogo Prostranstva: sverim chasy [Rhythms of the Greater Black Sea Space: Check Our Watches]. Problemy bezopasnosti Prichernomor'ya i neytral'nyy status

Ukrainy. Sbornik materialov [Security Issues and the Neutral Status of the Black Sea Region of Ukraine. Collection Of Materials], Simferopol, SONAT, 2008, P.60–67.

14. Glazova A. V. Zona osobyh interesov Rossii [The Zone of Special Interests of Russia]. Natsional'naya oborona [National Defence], 2016, no. 9. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml>